

DOI: 10.24411/2308-8079-2018-00003

УДК 26

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ В
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ИУДАИЗМ КАК ОПЛОТ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные закономерности формирования и деятельности иудейских общин в провинциальных городах России. Выявлено, что основой для формирования религиозных общин евреев стали военнослужащие. В дальнейшем численность еврейских общин заметно возросла за счет значительного притока ссыльных и приезда евреев-купцов. Существование еврейских религиозных общин подвергалось детальной законодательной регламентации. В то же время ряд существенных проблем решить не удалось. В частности, крайне затрудненной оказалась подготовка раввинов. Трудности заключались и в сохранении традиционного уклада жизни, родного языка.

Ключевые слова: иудаизм, синагога, диаспора, община, законодательство, вероисповедание.

**PROVINCIAL JEWISH COMMUNITIES
IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES:
JUDAISM AS THE FORTY OF IDENTITY**

Pulkin M.V.

The article considers the main regularities of formation and activity of Jewish communities in provincial cities of Russia. It was revealed that servicemen became the basis for the formation of religious communities of Jews. Subsequently, the number of Jewish communities has increased significantly due to a significant influx of exiles and the arrival of Jewish merchants. The existence of Jewish religious communities was the subject to detailed legislative regulation. At the same time, a number of significant problems could not be solved. In particular, training of rabbis

was extremely difficult. The difficulties were also in preserving the traditional way of life, the native language.

Keywords: Judaism, synagogue, diaspora, community, legislation, religion.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

Под влиянием испытаний, выпавших на долю российского еврейства в XIX – начале XX вв., среди евреев усилилось стремление к сохранению национальной культуры. Еврейская община заботилась о том, чтобы «держат каждого молодого еврея в заколдованном круге, с малых лет приобщая его к законам религии и традиционному образованию» [12, с. 159]. Стремление «дать детям истинно еврейское образование на стихийном уровне всегда было присуще сибирским евреям» [11, с. 316]. Существующая в России система образования подталкивала евреев к консервации традиций: «Вплоть до XIX в. духовная форма образования евреев фактически была единственной возможностью получить знания» [3, с. 149]. В то же время среди евреев проявились «ассимиляторские тенденции», увеличилось число лиц, «переходящих из еврейства в Православие» [4, с. 68]. Одновременно сократились контакты с евреями, оставшимися в пределах черты оседлости. Как показывает вологодская статистика начала XX в. (данные опросов местных евреев), 40,5% еврейского населения не имели никаких связей за чертой оседлости или сохраняли «лишь очень слабую религиозную связь». Женщины значительно быстрее адаптировались к новой обстановке и порывали связь с евреями-традиционалистами, оставшимися за чертой. Две трети «самостоятельных женщин» называли себя уроженками черты оседлости, но «только 23,1% сохранили с ней активную связь» [2, с. 41]. Еврейская грамотность претерпевала за пределами черты существенные изменения. В 1897 г. в Вологде грамотными по-русски были 54,6% вологодских евреев. В

1909 г. их число возросло до 68,4%, еврейская грамотность упала с 63,5% до 55,4% [2, с. 43].

Средством адаптации евреев в российской среде стало крещение. В первой четверти XIX в. «правительство склонялось к мысли, что переход евреев в христианство может стать средством их эмансипации и просвещения» [3, с. 164]. После крещения исчезали «все те бесконечные стеснения и ограничения, которыми закон опутал еврея, остающегося в своей вере». Евреи, принявшие Православие, могли «приписаться ко всякому обществу, где найдут для себя удобнее, не спрашивая, как вообще требуется, предварительного согласия тех обществ». Они пользовались «трехлетней от податей льготой со дня приписки к тем обществам» [21, с. 6]. В еврейской среде «фиктивное крещение, позорное само по себе, являлось сравнительно редким средством в борьбе с насилием» [7, с. 68], но соблазн существовал. Крещеные евреи по закону «имели те же права, что и русские». Некоторые из них «делали исключительную карьеру на светской, военной и религиозной службе» [15, с. 31], «отрекались от своих единоверцев и иногда становились худшими их гонителями» [17, с. 21]. Некрещеные евреи оставались чужими для населения империи [22, с. 100].

Евреи, достигшие определенного положения в российском обществе, «как правило, переходили в Православие» [31, с. 122]. Сибирские материалы подтверждают этот вывод: «За исключением единиц, искренне увлекшихся догматами другой веры, евреи крестились из сугубо меркантильных соображений для преуспевания в делах, получения образования, льгот по уплате податей... Об этом говорят и случаи возвращения в иудаизм в преклонных годах, при приближении смерти» [11, с. 238]. В литературе есть упоминания об административном давлении на евреев с целью добиться крещения. Высочайшее повеление Николая I от 1844 г. требовало, чтобы «до поступления на государственную службу евреи крестились» [16, с. 77]. В крупных городах отмечаются периоды массовых крещений евреев. В конце XIX

в. в Москве крестилось примерно три тысячи евреев, опасавшихся выселения из города [19, с. 51].

Нажим приводил к разнообразным последствиям. В среде самих евреев отношение к «выкрестам» оставалось негативным [30, с. 117]. Но и отношение русского сообщества к этой категории населения оставалось прохладным, но не враждебным. Вполне обоснованным представляется утверждение Алексея Миллера: «антииудаизм был менее развит в восточном христианстве по сравнению с католической традицией» [14, с. 119]. Крещение оставалось непопулярным в еврейской среде способом адаптации в новой обстановке, но и точное соблюдение религиозных предписаний оставалось недостижимым идеалом, что хорошо прослеживается по сибирским материалам. «Сибирь внесла свои коррективы в психологию и внешность еврея. Он перестал быть набожным, редко ходил в молельню, торговал по субботам и праздникам, постов не соблюдал» [28, с. 121]. В местных молельнях «нельзя было найти ни свитков Торы, ни старинных предметов богослужения. Да и сами молельни, на открытие которых было потрачено столько сил, большую часть времени пустовали» [11, с. 257]. Суть масштабного процесса эволюции российского еврейства изложил Исраэль Барталь: «Еврейская традиция с присущим ей набором ценностей должна была теперь вступить в свободную конкуренцию с чужой искусительной культурой, несущей заманчивые социально-экономические перспективы» [1, с. 163]. Исход конкуренции отнюдь не был предрешен, определялся множеством факторов. Среди них как настроения иудеев, так и государственная политика в вероисповедной сфере.

Еврейские иммигранты столкнулись в провинциальных городах России с необходимостью создания своих общинных институтов практически с нуля, «будучи удалены от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, такими, как Вильна, Люблин и Бердичев» [16, с. 164]. Невзирая на трудности, подавляющее большинство евреев бережно сохраняло религию предков. «Инстинкт выживания в чуждом окружении заставлял консолидироваться вокруг некоего центра». Его роль «выполняли общинные

институты: молитвенные дома, духовные и хозяйственные правления» [5, с. 35]. Своеобразие еврейского народа «состояло в том, что в течение веков религия являлась для него первой по значению, колоссальной по действию социальной силой» [10, с. 129]. Раввины нередко выступали посредниками между властью и общиной в решении значимых вопросов [5, с. 35]. Повсеместно небольшие группы евреев настойчиво стремились создавать религиозные общины. Сибирские материалы показывают, что «самовольное открытие молитвенных домов было достаточно распространенным явлением» [11, с. 254].

Время появления стабильных еврейских общин часто остается неизвестным. Это наблюдение касается как Сибири [13, с. 42], Поволжья и Европейского Севера. К середине XIX в. в Красноярске, Енисейске, Иркутске, Чите, Нерчинске сложились конфессиональные общности евреев. Тогда же начинается отсчет истории якутской еврейской общины, состоящей преимущественно из ссыльных [11, с. 239]. Начало еврейской религиозной жизни на Дальнем Востоке положено в 1863 г., с появлением молитвенного дома в Благовещенске. В 1870 гг. евреи Нижнего Новгорода стали добиваться «права на создание общины, аналогичной той, к которой они привыкли в черте оседлости» [27, с. 27]. Иногда из-за дефицита подготовленных в богословском отношении иудеев должности раввинов занимали случайные люди. По ироническому утверждению историков сибирского еврейства, «наибольшая заслуга первого иркутского раввина была в том, что он брал с общества в целом недорого» [4, с. 263]. Современные исследователи подтверждают этот вывод, опираясь на материалы, связанные с Благовещенском: «Ни о каком духовном правлении и тем более раввине там не могло быть и речи, и все службы совершал отставной унтер-офицер Зельманович» [11, с. 246].

Религиозная жизнь быстро растущих, численно и географически расширяющихся еврейских сообществ стала объектом законодательной регламентации. По закону евреи определялись как инородцы. Иудаизм, «подобно всем нехристианским религиям, рассматривался как иностранное

исповедание» [16, с. 92]. Устав духовных дел иностранных исповеданий позволял евреям «отправлять общественные молитвы и богомолие» исключительно «в особых зданиях, для сего определенных». «Молитвенное сообщество» евреев обязывалось избирать «правление», состоящее из раввина, старосты и казначея. В обязанности раввина входило «объяснять в известных случаях сомнения, касающиеся богомоления и обрядов веры», «совершать обряды обрезания и наречения имен младенцам, бракосочетания и расторжения браков». Он являлся «блюстителем и толкователем еврейского закона». В то же время раввину надлежало «направлять евреев к соблюдению нравственных обязанностей, к повиновению общим государственным законам и установленным властям» [29, с. 197]. В деятельности раввинов быстро возникали непреодолимые трудности. Как пишет И.Г. Оршанский, «одной материальной зависимости раввинов от избравших их обществ достаточно для того, чтоб превратить в мертвую букву обязанность первых бороться с недостатками вторых» [21, с. 87]. Староста наблюдал за порядком в синагоге, собирал добровольные пожертвования. Казначей вел приходорасходные книги. Там, где бедность евреев не позволяла им иметь собственного раввина, по закону разрешалось «причисляться к ведомству раввина ближайшего города» [29, с. 198-201].

На практике перечисленные должности в еврейской общине сближались. В 1874 г. с марта по август должность архангельского раввина исполнял староста еврейского общества И.И. Винер [24, л. 16]. В 1915 г. в связи с внезапным отъездом архангельского раввина М.Г. Сереброкаменя его обязанности исполнял староста еврейского молитвенного дома А.Ш. Липский [8, л. 11]. Современники событий утверждали, что именно староста являлся «законным представителем всей общины». Им мог стать «человек богатый, со связями в обществе и административном мире, короче говоря, кто-нибудь из купцов» [4, с. 223]. Судя по сибирским материалам, доходы общин складывались из продажи мест в молитвенных домах в потомственное владение, взносов на заклание скота, добровольных пожертвований от

состоятельных общинников. Существенным дополнением стали средства «кружечного сбора», проценты по банковским вкладам и ценным бумагам. Важной статьёй дохода стала плата за обряды венчания, имянаречения и за соответствующие записи в метрических книгах [11, с. 295]. Средства общин расходовались на содержание молельных домов, плату раввину, резникам, совершавшим убой скота по канонам иудаизма, а также служителям молитвенного дома, на содержание кладбищ и помощь бедным, заведение школ и оплату труда меламедов (учителей) [11, с. 300].

Закон о еврейских общинах действовал на всей территории Российской империи. Еврейские сообщества рассматривались властью как «учреждения, существующие с разрешения правительства, действующие под контролем городских управ и осуществляющие свои религиозные и благотворительные цели на частные средства, добываемые сборами пожертвований и раскладкой между членами своего общества» [20, л. 10]. На обширном пространстве Европейского Севера России и в Сибири поведение еврейских сообществ характеризовалось сходными чертами.

Наиболее ранние свидетельства о формировании еврейской общины связаны с Архангельском. Иудейская община, состоящая из купцов, существовала здесь в XVII в., но еврейское сообщество старалось жить скрытно. От этого периода в Архангельске осталось старое еврейское кладбище [34, с. 19]. Упоминание о еврейской молитвенной общине в Архангельске, судя по документам полицейского управления, относится к 1828 г. До 1857 г. в городе существовало два еврейских общества и два раввина из числа военнослужащих: в морском и в сухопутном ведомствах. Раввинов избирали из числа военнослужащих по приказу командира и с учетом мнений верующих: «по желанию всех евреев нижних чинов».

Развитие еврейских общин, возникающих в городах России, нередко связано с судьбами евреев-солдат, из числа которых периодически избирали казенных раввинов. Негативно относясь к евреям, время от времени выдвигая в их адрес обвинения в ритуальных убийствах, власти, тем не менее, заботились о

формировании и полноценном существовании еврейских религиозных общин. Забота связана с судьбами евреев, волею начальства отправленных для прохождения воинской службы в гарнизоны северных городов. В 1880-1890 гг. иудейские общины стали пополняться приезжими евреями, имеющими разрешение на проживание за пределами черты оседлости и намеревающимися сохранять веру своих отцов. В Архангельске синагога появилась в 1899 г., она была построена на средства купца И. Биндера [34, с. 19]. Сходным образом и сибирская администрация «начала ощущать нужду в лице, которое взяло бы на себя ответственность за учет еврейского и воспитание его в духе законопослушания» [11, с. 279].

Религиозная жизнь еврейских сообществ сталкивалась с серьезными трудностями. Отсутствовала планомерная подготовка раввинов, возникали препятствия при открытии синагог, затруднялось приучение подрастающего поколения к еврейским традициям и нормам жизни. Непростой задачей стало сохранение языка. В Петрозаводске громкое судебное дело было связано с безуспешными попытками открытия небольших частных еврейских учебных заведений. В августе 1878 г. до сведения петрозаводской городской полиции дошло, что еврей, недавно прибывший в Петрозаводск, занимается обучением грамоте еврейских мальчиков. Помощник пристава отправился для выяснения ситуации по адресу, указанному в доносе. Войдя в дом, полицейский увидел следующую картину: «за двумя небольшими столиками сидели 6 человек еврейских мальчиков и между ними сидел по видимому их учитель, который назвал себя мещанином Могилевской губернии Шеломом Ицковым Селектором» [18, л. 14].

Улики оказались вполне очевидными: «На столах лежали еврейские книги, а на стуле оказалось несколько тетрадей, написанных на еврейском языке, перед Селектором также лежала тетрадь». Оказавшись в столь неловкой ситуации, Селектор объяснил, что «в указанное место он попал совершенно случайно» и «преподаванием не занимался». По мнению полиции, «объяснение его опровергается найденными учебными книгами и тетрадями в той комнате,

где он находился, а так же и тем, что в комнате было слышно чтение мальчиков» [18, л. 14]. Внимательно рассмотрев дело, Олонецкая палата уголовного и гражданского суда не нашла в нем состава преступления. Как указывалось в приговоре, действия Селектора «не заключают в себе ничего преступного», поскольку действующее законодательство «не относится до первоначального обучения чтению и письму» [18, л. 18].

По сибирским материалам известно, что за чертой оседлости ощущался «острый недостаток подготовленных специалистов, носителей истинно еврейского духа, искушенных в тонкостях обрядов веры». В результате обряды «проводились по упрощенному сибирскому варианту или же не проводились вовсе» [11, с. 258]. На Европейском Севере России наблюдалась похожая ситуация. Доказательством здесь может служить ряд дел. Первое из них связано с Петрозаводском и датировано 1860 г. — временем, когда местная недавно сформировавшаяся еврейская община впервые начала отстаивать свои права. По просьбе своих подчиненных командир петрозаводского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Харитонов составил рапорт, в котором указывал, что во вверенном ему батальоне число евреев составляет около 200 человек. Они по закону, за отсутствием синагоги, могут собираться для молитвы в указанном месте под наблюдением одного надежного товарища, избранного ими для исправления должности раввина». Такой порядок некоторое время соблюдался: «место для их молитвенных собраний» нашлось в казарме второй роты. Но марте 1858 г. по распоряжению корпусного командира евреи лишились возможности собираться для молитвы. Теперь они «совершенно лишены возможности собраться в одно место для совершения обрядов их веры и молитв, не только в дни суббот, но даже и в главные годовые их семь праздников» и поэтому «беспрерывно просят <...> об отводе им места для общего собрания».

Губернское правление, рассмотрев рапорт, вынесло негативное заключение. В Петрозаводске, указывалось в журнале правления, «помещений для молитвенных собраний евреев не назначено, а также никаких сумм для сего

не ассигновано», поскольку устройство синагог, молитвенных школ допускается только в местах оседлости евреев». Правление позволяло гарнизонному начальству «сделать распоряжение об отводе особого дома», где можно «допустить временное молитвенное собрание» [9, л. 4]. Проблему решили в 1868 г., когда служащие в Петрозаводском батальоне евреи «приобрели покупкою дом с землею», который передали в собственность своего воинского подразделения для того, чтобы вести постоянное богослужение. Если «случится так, что в батальоне не будет состоять на службе ни одного еврея», то батальон «имеет право продать этот дом». Вырученные за него деньги предполагалось «разделить между беднейшими жителями города Петрозаводска еврейского закона, по усмотрению самих евреев» [23, с. 80-81].

Евреи, служащие в городских гарнизонах, вообще нередко становились основой для еврейских общин в городах Сибири и Европейского Севера. В документах Вологодского губернского правления сохранились свидетельства о существовании в Вологде еврейской общины начиная с 1840-х гг. Местное военное начальство в течение ряда лет выдавало военнослужащим иудеям деньги «на наем отдельного помещения для молитвословий на время двух праздников: Пасхи и Кущи». Затем деньги выделять перестали. Для богослужений «по распоряжению командира батальона полковника Озерова было отведено помещение в казарме». Вскоре предоставленное воинским начальством помещение оказалось слишком тесным. Тогда евреи стали нанимать отдельное помещение «в частных домах на свой счет». Таким путем в Вологде появился еврейский молитвенный дом, устроенный самовольно, «без всякого разрешения со стороны как гражданских, так и военных властей». Иудаистские религиозные обряды, в частности, обрезание, с 1857 по 1873 г. исполнял «за неимением казенного раввина», местный еврей мещанин Я.Т. Куперштейн, он же вел метрические книги. Судя по прошению евреев отставных солдат Вологодского батальона, составленному в 1892 г., еврейские обряды «отправлялись при молитвенном еврейском доме исправно». В

дальнейшем богослужение и исполнение треб по невыясненным причинам прервалось.

К 1876 г. ситуация в соседней губернии стала критической. Как сообщал Олонецкому губернскому правлению Петрозаводский городской голова, «в среде немалого числа евреев, проживающих в городе Петрозаводске, существует такой порядок: если рождается дитя, то делающий обрезание по закону Моисееву выдает в совершении этого обряда свидетельство родителям». Документ «служит удостоверением времени рождения». В случае утраты свидетельства «самое определение лет фактически уже остается невозможным навсегда». Пользуясь случайной или преднамеренной утратой документа, «одни из евреев легко смогут избежать исполнения воинской повинности, ныне вновь введенной, а другие – нести повинность, не подлежащую выполнению по летам». Некоторые, «незаписанные в книгах рожденными», «могут легко присвоить себе из каких-либо личных интересов чужое имя». Раввин «лишен возможности часто бывать в Петрозаводске для наблюдения, так как проезд его сопряжен с расходами, на которые ему от казны ничего не ассигнуется». Отсутствие метрических свидетельств негативно сказывается и на судьбах евреев. «Желающему устроить детей своих на воспитание в учебное заведение, невозможно ниоткуда получить метрическое свидетельство». Без необходимых документов «дети не принимаются в заведения». В создавшейся сложной ситуации пришлось обращаться к «надлежащему начальству». Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД, к которому обратился олонецкий губернатор, также не смог принять решение. В ответном письме департамента сообщалось, что запрос «передан в учрежденную при МВД Комиссию об устройстве быта евреев».

В Архангельске в начале 1870-х гг. избрание раввина также столкнулось с существенными трудностями. В 1871 г. местные евреи, отставные и бессрочно отпускные рядовые, «составляющие архангельское еврейское молитвенное общество», избрали на должность раввина местного жителя Вениамина Хацкелевича. В числе достоинств кандидата на должность они указывали

безупречное поведение, хорошее знание русского и еврейского (идиш) языков. Рассмотрение вопроса в губернском правлении дало негативный результат. Указывая, что евреи вполне могут по закону собираться для молитвы «в указанных местах под наблюдением благонадежного товарища, избранного ими для отправления должности раввина», губернское правление ссылалось на данные полиции. Полицейское управление обвинило кандидата на должность раввина в скупке краденых вещей, а само собрание было объявлено неправомочным из-за небольшого числа участников. В итоге архангельские евреи на длительное время остались без раввина. Бедность, далекие расстояния от центров еврейской жизни и отсутствие планомерной подготовки раввинов за пределами черты оседлости приводили к столь же трагическим ситуациям и в Сибири: «сибирские общины по бедности просто не имели возможности содержать раввина». По этой причине молитвенные дома евреев в Ачинске, Енисейске и других городах «десятилетиями не имели ни раввина, ни его помощника, и их обязанности исполняли частные лица, даже не члены духовного правления» [11, с. 282].

В конце 1880-1890 г. в городах Европейского Севера и Сибири начали формироваться стабильные еврейские общины, которые активно отстаивали свои права на регулярное отправление религиозных обрядов и приобщение подрастающего поколения к еврейским традициям. В Сибири конец первого-начало второго десятилетия XX в. «отмечены массовым открытием еврейских школ». Основное требование, предъявляемое общиной к своим школам, заключалось в том, чтобы «давать детям национальное еврейское воспитание, развивать и укреплять связь со своим народом, знакомя с языком и сущностью иудаизма» [11, с. 323]. На Европейском Севере выдающуюся роль в стабилизации еврейских общин сыграли репрессивные меры российского правительства. Из-за большого числа евреев-политических ссыльных, длительное время проживающих в Архангельской губернии, иудейские общины появлялись даже в небольших городах. В 1870 г. пинежский уездный исправник установил, что во вверенном ему городе состоит «частью под

надзором полиции, частью на жительство» 28 евреев обоего пола. Они обязаны «по религиозному закону своему собираться от времени до времени в одно место для отправления общественных молитв и богомолений». Исправник ходатайствовал перед губернатором о разрешении пинежским евреям избрать раввина и собираться для богослужений. Ответ, полученный из Архангельска, оказался положительным. Как видно из журнала Архангельского губернского правления, евреям разрешили «собираться в одном из домов, занимаемых ими», «под наблюдением благонадежного товарища», которого им разрешалось «избрать для отправления должности раввина» [8, л. 28].

В 1888 г. наступил черед губернского города. Архангельские евреи, собравшись в молельне, приняли решение найти «законного раввина». Для оплаты его услуг евреи обязывались ежемесячно собирать 60 руб. в том случае, если раввин дополнительно примет на себя обязанности резака и 40 руб. в том случае, если кандидат на должность согласится выполнять лишь обязанности раввина. Обращение евреев к петербургскому раввину Драпкину принесло желаемые плоды. Готовность стать архангельским раввином, как видно из его письма, адресованного архангельскому полицмейстеру, изъявил С.Х. Бейлин, купеческий сын, бывший студент Харьковского университета.

В 1905 г. «архангельское еврейское общество» без особых проблем избрало на должность раввина другого своего представителя – помощника провизора Ю.З. Трейваса. Новоявленный раввин обязывался заниматься совершением обрядов и вести метрические книги «без особой платы». Община евреев обязывалась ежемесячно платить ему вознаграждение и «по вознаграждению его не злоупотреблять» [6, л. 23]. После этого религиозная жизнь евреев в Архангельске достигла определенной стабилизации. В документах сохранились свидетельства об уважительном отношении властей, как местной, так и центральной, к еврейским религиозным праздникам. Так в 1915 г., в соответствии с телеграммой МВД, губернатор распорядился «разрешить евреям оставаться в городе Архангельске на двое суток в виду наступающего еврейского праздника».

Видя успешное решение проблемы поиска раввина в соседней губернии, вологодские евреи возлагали большие надежды на активную архангельскую общину. Новое рассмотрение вопроса о религиозной жизни евреев Вологды относится к 1893 г. Проживающие в Вологде иудеи подали в губернское правление прошение. В нем, «ссылаясь на малочисленность и бедность вологодского еврейского общества», они ходатайствовали о причислении к ведению архангельского раввина. Вологодское начальство, рассмотрев документ, вынесло отрицательное заключение. Как выяснилось, в числе подавших прошение имелись и те евреи, которые проживали за чертой оседлости временно. Второй причиной для отказа стали дальние расстояния. Город Архангельск находится слишком далеко от Вологды. «Для архангельского раввина представляется видимая невозможность за дальностью расстояния в особенности в зимнее время, в делах веры удовлетворять потребностям вологодского еврейского общества и лично совершать почти постоянно требующиеся их религиозные обряды» [33, л. 78].

В 1894 г. вологодское губернское начальство вновь обратилось к актуальной проблеме существования еврейского молитвенного дома. Вопрос на этот раз решался положительно. Вологодским евреям разрешалось построить молитвенный дом «с тем, чтобы проживающие в городе Вологде евреи, не имеющие возможности по малочисленности и бедности содержать особого раввина, для исполнения духовных треб и исполнения обрядов веры приглашали раввина из еврейской молельни в городе Рыбинск». Так в Вологде появился еврейский молитвенный дом. Губернское начальство озабочилось формированием еврейского «особого правления», в соответствии с российским законом. К 1908 г. относится первое упоминание в материалах делопроизводства об избрании раввина для Вологды и Вологодской губернии. По решению еврейского молитвенного общества, утвержденному губернатором, им стал провизор местной аптеки Е.А. Гейльперин. Современники, оценивая состояние еврейской религиозной жизни в Вологде на начало XX в., оставили скептические замечания: «Прихожанами синагоги из

115 самостоятельных мужчин назвали себя 87 или 76%; из них только 38 или 33% соблюдали субботный отдых» [2, с. 53].

В 1900 г. Строительное отделение Олонецкого губернского правления утвердило план строительства «молитвенного дома» для местных евреев. При рассмотрении «проекта на постройку в Петрозаводске еврейского молитвенного дома оказалось, что проект составлен правильно и одобряется».

Из других городов Олонецкой губернии активной религиозной жизнью иудеев выделялась Вытегра. В 1897 г. местные евреи озаботились состоянием дел в местной общине. Вытегорский мещанин Лейба Парийский, обращаясь к олонецкому губернскому правлению, сообщал, что в его городе, как и во всей Олонецкой губернии, отсутствует раввин и поэтому невозможно получение метрических свидетельств [26, л. 1]. Решение вопросов организации вытегорской еврейской общины связано с началом XX в. В прошении старосты местной еврейской общины Моисей Люри указывалось, что молельня расположится на месте дома, в котором «открытие этой молельни разрешено его превосходительством и министром внутренних дел». Проект здания ранее представлен в строительное отделение при Олонецком губернском правлении и получил поддержку профессиональных архитекторов. Для окончательного утверждения проекта и начала строительства требовался «приговор» местной еврейской общины. Соответствующий документ вскоре появился. Местные иудеи постановили «возбудить перед строительным отделением Олонецкого губернского правления ходатайство от имени вытегорской еврейской общины о разрешении построить новую молельню средствами общины по плану, представленному в губернское правление земским фельдшером М. Люри». В 1905 г. строительное отделение Олонецкого губернского правления утвердило план возведения вытегорской синагоги.

Олонецкому губернатору пришлось заняться изучением проблем сионистского движения. Как указывалось в его письме министру внутренних дел, в конце сентября 1902 г. к губернскому начальству обратился доктор медицины Н.И. Гуревич, ходатайствуя о том, чтобы губернатор «не

воспрепятствовал начинаниям имеющего возникнуть в городе Петрозаводске кружка сионистов». Деятельность сообщества, говорилось в прошении, «предполагает выразиться в форме общей для всех подобных кружков, а именно в сборах добровольных членских взносов, в периодических собраниях участников для совместного чтения отрывков Библии, истории евреев и дозволенных цензурой статей, посвященных истории еврейского быта». О предстоящих собраниях «учредители его приняли обязательство заранее извещать местную полицию». В ответ на запрос об отношении к организациям подобного рода директор департамента полиции пояснил, что «по отношению к проектируемому в городе Петрозаводске кружку сионистов может быть допущена лишь известная терпимость в пределах корректности лояльности поведения сионистов».

Приняв поступившие инструкции к руководству, губернатор допустил собрания сионистов, «которые проходили в частных квартирах». Всякий раз городская полиция «не только извещалась, но и присутствовала на самих собраниях». На них читались рефераты «с объяснением значения еврейских праздников, показывались туманные картины библейского содержания, взятые с волшебным фонарем из чайной Комитета о народной трезвости, происходили танцы взрослых и детей, но обсуждения каких-либо общих вопросов не происходило». Главным деятелем и председателем правления кружка стал еврей Эпштейн, управляющий типографией, принадлежащей казенному раввину Кацу. Участники кружка вносили шекель, т.е. членский взнос в размере 40 копеек. По вопросу о сионистском кружке еврейская община Петрозаводска не сформировала единого мнения. Казенный раввин Кац «и некоторая часть евреев Петрозаводска, по-видимому, не сочувствует идеям сионизма». Они «особенно враждебно относятся к денежным сборам на цели сионизма, так как эти сборы отвлекают денежные средства от местных нужд моленной» [25, л. 34-35].

Таким образом, изучение множества имеющихся дел показывает, что судьба каждого отдельного представителя еврейского народа становилась

головной болью для деятелей местной власти за чертой оседлости. С огромными трудностями связано выяснение законодательных норм, на основании которых следовало действовать, определяя права и обязанности евреев на то или иной территории Российской империи. Нормы права постоянно менялись, противоречили друг другу. Для современников, в том числе и обладающих властными полномочиями, оставалось трудной задачей выяснение внутренней жизни еврейских общин. Как писал в 1913 г. Л.А. Тихомиров, «еврейство живет так замкнуто, что в нем много неведомого»; не только обыватели, но и ученые «знают его интимную жизнь далеко не хорошо» [32, с. 531].

Список литературы:

1. Бартадь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772-1881 г. М.: Мосты культуры, 2007. 262 с.
2. Берлинраут Л.Я., Раскин М.С. Еврейское население города Вологды. Опыт статистического обследования экономического, правового и культурного состояния еврейского населения внутренних губерний России. М., 1911. 58 с.
3. Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX в. Казань: Издательство Казанского университета, 1998. 184 с.
4. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 390 с.
5. Галашова Н.Б. Внутренние противоречия как фактор развития еврейских общин Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск, Барнаул, 2005. С. 35-42.
6. Договор с архангельским раввином // Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3853.
7. Дубнов С.М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции. Кн. 1. М., Пг., 1923. 234 с.

8. Журнал Архангельского губернского правления // Государственный архив Архангельской области. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4205.
9. Журнал Олонецкого губернского правления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 4. Д. 15/318. Л. 4-5.
10. Изгоев А.С. Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. V. С. 122-137.
11. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ: Издательство «Кларетианум», 2003. 424 с.
12. Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772-1825 гг. М.: Мосты культуры, 2000. 190 с.
13. Ключева В.П. Религиозная жизнь евреев в Тобольской губернии (середина XIX – начало XX в.): скандалы и проблемы // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Вып. 9. Красноярск, Барнаул, 2005. С. 41-48.
14. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.
16. Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднеимперской Россией / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 463 с.
17. Носенко-Штейн Е.Э. Чужие среди чужих: существует ли православная еврейская идентичность? // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 21-36.
18. Обвинительный акт // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 9, Оп. 1. Д. 364/3649. Л. 14.
19. Оксман А. История евреев в Российской империи и Советском Союзе. Иерусалим: Б.и., 2000. 143 с.
20. Определение Петрозаводского окружного суда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 30. Оп. 2. Д. 13/193. Л. 10 об. – 11.

21. Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях. Очерки и исследования. СПб., 1877. 324 с.
22. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М.: Российская политическая энциклопедия, 1994. 398 с.
23. Приговор нижних чинов еврейского закона Петрозаводского батальона // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 46/194. Л. 80-81.
24. Протокол допроса старосты еврейского общества // Государственный архив Архангельской области. Ф. 4. Оп. 11. Д. 678. Л. 16.
25. Протоколы Олонецкого губернского жандармского управления // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 19. Оп. 2. Д. 38/15. Л. 34-35.
26. Прощение Лейбы Парийского // Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 21. Д. 43/394. Л. 1.
27. Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде: XIX – начало XX в. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. 164 с.
28. Савиных М.Н. Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX в. Омск: Омскбланкиздат, 162 с.
29. Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. 398 с.
30. Соболевская О. Социальное и индивидуальное в мире еврейской культуры. Беларусь, конец XVIII – первая половина XIX в. Проблемы еврейского самосознания. М.: Изд-во МГУ, 2004. 324 с.
31. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 368 с.
32. Тихомиров Л.А. Дело Бейлиса и еврейство // Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: «Москва», 2003. 624 с.
33. Указ Вологодского губернского правления // Государственный архив Вологодской области. Ф. 130. Оп. 1. Д. 758. Л. 78.

34. Шаляпин С.О. Религиозная ситуация на Русском Севере в исторической перспективе (XIII-XIX вв.) // Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность. Архангельск: Правда Севера, 1997. С. 12-23.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.